

Глава первая

Бруно совершает открытие

Как-то днем, придя из школы, Бруно очень удивился, застав у себя в спальне Марию, горничную (она всегда ходила потупившись, не отрывая глаз от ковров и половиц). Главное же, Мария не просто забрела в комнату Бруно – она там распорядилась: вытаскивала из шкафа его вещи и укладывала в четыре деревянных сундука. Вынимала даже то, что было спрятано в самой глубине шкафа и к чему никто не смел прикасаться.

– Что ты делаешь? – Бруно постарался, насколько это было в его силах, чтобы вопрос прозвучал вежливо. Понятно, он не обрадовался, увидев по возвращении домой, что кто-то роется в его шкафу, но мама всегда говорила, что с Марией он должен обращаться уважительно, а не так,

как папа это делает. – Не тронь мои вещи!

Вместо ответа Мария кивком головы указала на лестницу, где как раз появилась мать Бруно. Это была высокая женщина с длинными рыжими волосами, которые она скручивала на затылке и убирала в нечто вроде сетки. Мать нервно потирала руки – верный признак того, что она предпочла бы избежать расспросов. Либо ее что-то не устраивало.

– Мама, – Бруно решительно двинулся ей навстречу, – что происходит? Почему Мария перетряхивает мои вещи?

– Она их пакует, – ответила мама.
– Пакует?

Бруно быстренько перебрал в уме события последних нескольких дней: может, он вел себя как-нибудь особенно плохо или произнес вслух слова, которые ему запрещено произносить, и за это его отсылают из дома? Но ничего не смог припомнить. Наоборот, последние несколько дней он вел себя лучше некуда по отношению ко всем без исключения и ни разу не вышел из берегов.

– Но почему? – спросил Бруно. – Что я сделал?

Мама остановилась на пороге своей спальни, где дворецкий Ларс занимался тем же самым – упаковывал вещи. Вздохнув, мама всплеснула руками и повернула обратно к лестнице. Бруно преследовал ее по пятам, от него так легко не отделаются, пусть ему сначала все разъяснят.

– Что случилось? Мы переежаем? – сыпал вопросами Бруно.

– Ступай со мной вниз, – поманила его мама, направляясь в столовую – просторную залу, где неделю назад обедал Фурор. – Там поговорим.

Бруно сбежал по лестнице, обогнав мать; в столовой ему даже пришлось дожидаться, пока она подойдет. А когда мама вошла, сперва он молча разглядывал ее, отмечая про себя, что сегодня утром она, должно быть, не напудрилась, потому что веки у нее краснее обычного. Такая краснота вокруг глаз случалась и у Бруно, когда он выходил из берегов или попадал в беду, что, как правило, заканчивалось слезами.

– Послушай, Бруно, тебе не о чем беспокоиться, – сказала мама, усаживаясь в кресло, в котором неделю назад сидела красивая блондинка, приходившая с Фувром на обед; она еще помахала Бруно, прежде чем папа закрыл двери. – В любом случае, тебя ждет увлекательное приключение.

– Что? Значит, меня все-таки отсылают из дома?

– Не торопись с выводами. (Бруно показалось, что мама чуть было не улыбнулась, но передумала.) Мы все покидаем этот дом. Папа, я, Гретель и ты. Все вчетвером.

Услышанное восторга у Бруно не вызвало. Гретель может катиться на все четыре стороны, ему до лампочки, его сестра – безнадежный случай, и от нее только одни неприятности. Но разве справедливо, что они все обязаны ехать вместе с ней?

– Куда? – хмуро спросил он. – Куда мы едем? Почему мы не можем остаться здесь?

– Это связано с работой твоего отца, – объяснила мама. – Ты ведь знаешь, как это важно, верно?

Бруно кивнул. Еще бы ему не знать. В дом постоянно заходили множество людей, самых разных: мужчины в потрясающей форме, женщины с пишмашинками (Бруно от пишущих машинок неизменно отгоняли, ссылаясь на его «грязные лапы») – и все эти люди были очень, очень вежливы с папой. Шушукаясь меж собой, они говорили, что этот человек далеко пойдет, у Фурора на его счет большие планы.

– А когда кто-нибудь становится очень важным, – продолжала мама, – бывает, что начальник назначает его на особую работу в другом городе, куда не всякого пошлешь.

– А что за работа? – полюбопытствовал Бруно. Если быть честным с самим собой – к чему он всегда стремился, – Бруно не очень-то понимал, чем занимается его отец.

Однажды в школе они разговорились об отцах. Карл сказал, что его папа зеленщик, и Бруно знал, что это чистая правда, потому что отец Карла держал зеленую лавку в центре города. Даниэль сказал,

что его папа учитель, что тоже было правдой, потому что отец Даниэля учил старшеклассников, от которых лучше было держаться подальше. А Мартин сказал, что его папа повар, о чем Бруно опять-таки знал наверняка, потому что, когда отец забирал Мартина после уроков, на нем всегда была белая спецовка и клеенчатый фартук, будто он прибежал в школу прямо от плиты.

Но когда спросили Бруно, кем работает его отец, он открыл было рот, но вдруг сообразил, что и сам не знает. Единственное, что он мог сказать, это то, что его отец далеко пойдет и у Фурора на его счет большие планы.

– Очень серьезная работа, – ответила мама после небольшой заминки. – Для выполнения которой требуется особый человек. Думаю, ты способен это понять.

– И нам всем надо уезжать? – не поверил Бруно.

– Ну разумеется. Ты ведь не хочешь, чтобы папа поехал на новую работу один и грустил там без нас?

– Наверное, нет.

– Папа по нам будет ужасно скучать.

– А по кому он будет больше скучать? – встрепенулся Бруно. – По мне или по Гретель?

– По обоим одинаково.

Мама полагала, что в семье не должно быть любимчиков, и Бруно уважал ее мнение, тем более что ему было доподлинно известно: мама любит его сильнее, чем Гретель.

– А что будет с нашим домом? – спросил Бруно. – Кто о нем станет заботиться, когда мы уедем?

Мама вздохнула и огляделась с таким видом, будто уже не надеялась снова увидеть эту комнату. Дом был очень красивым, в пять этажей, если считать подвал – где повариха готовила еду на всех, а Мария с Ларсом ругались, сидя за столом и обзывая друг друга словами, которые Бруно запрещалось произносить вслух, – и если считать крохотную комнатку на самом верху со скошенным оконцем, откуда Бруно, встав на цыпочки и крепко держась за раму, мог увидеть весь Берлин.

– Дом мы запрем, – сказала мама. – Но мы ведь сюда когда-нибудь вернемся.

– А куда денется повариха? – не унимался Бруно. – И Ларс? И Мария? Разве они не останутся здесь жить?

– Они едут с нами. – Мама положила ладонь на стол. – На сегодня вопросов достаточно. Пожалуй, тебе стоит пойти наверх и помочь Марии укладывать вещи.

Бруно поднялся, но с места не сдвинулся. Ему было необходимо спросить еще кое о чем, прежде чем он решит, что ситуация более или менее прояснилась.

– А далеко это? Ну, папина работа? Дальше чем в километре отсюда?

– О боже, – рассмеялась мама. Правда, смех ее был каким-то странным, веселой она не выглядела и даже отвернулась, словно не хотела, чтобы он видел ее лицо. – Да, Бруно, это дальше чем в километре отсюда. Намного дальше, доложу я тебе.

Глаза Бруно расширились, рот сложился буквой О, а руки сами собой раздвинулись в стороны, как всегда, когда он был чем-то изумлен.